

ЕКАТЕРИНА ЗДАНОВСКАЯ

УРОКИ
ИСПАНСКОГО

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-46

Редактор серии *А. Цыганкова*
Оформление серии *Е. Петровой*

Здановская, Екатерина Вячеславовна.

3-46 Уроки испанского : роман / Екатерина Здановская. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215236-8

Свое детство Стася провела в семье, которая всегда была источником боли, а не поддержки. Но однажды она решается все изменить и начать новую жизнь, пусть далекую, непривычную, но наконец-то свою. Жизнь, в которой ей предстоит научиться говорить «нет», доверять, строить отношения без страха и принимать любовь просто так.

И именно в тот момент, когда ее мир наконец обретает устойчивость, отец, привыкший быть всемогущим, решает вмешаться снова и отправляется за океан, чтобы «навести порядок» в жизни взрослой дочери...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215236-8

© Здановская Е., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Часть 1

ELLOS SON¹

С первого раза подключиться, конечно, не получилось. Сначала ссылка не открывалась, потом не было ни видео, ни звука, затем только звук, но без видео. Наконец, с четвертой попытки все заработало, и перед порядком раздраженным техническими неполадками Дмитрием Михайловичем появилось четкое изображение смуглой молодой женщины лет тридцати пяти. Она ободряюще ему улыбнулась с монитора ноутбука и с заметным акцентом поздоровалась по-русски:

— Добрый день, как дила? Можно вас буду называть Дмитрий?

— Си, то есть да. Можно и Дмитрием, — благодушно согласился Дмитрий Михайлович. Ему даже была приятна эта фамильярность от симпатичной иностранки, годящейся ему в дочери.

— Буено, Дмитрий, ви знаете испанский на какой уровень? — поинтересовалась преподавательница.

¹ Они есть.

— Наверное, на начальном? — неуверенно предположил пожилой ученик. — Знаю «си», «но»... «Но пасаран» знаю! — выпалил Дмитрий Михайлович.

Испанка весело рассмеялась:

— Бьен, бьен! — и все-таки предложила начать с изучения алфавита. Дмитрию Михайловичу ее идея, конечно, не понравилась. Он считал себя обладателем редкого ума, мгновенно схватывающим на лету все новое, и почему-то был уверен, что имеет склонность к изучению языков, хотя, кроме родного, ни одного так и не выучил за все семьдесят лет своей жизни. И если бы не широкая белозубая улыбка учительницы, не ее веселые карие глаза и кудрявые локоны-пружинки, едва доходящие до плеч, Дмитрий Михайлович бросил бы с ней заниматься и нашел бы другого носителя испанского языка. Так он уже делал и не один раз: брал бесплатный пробный урок, после которого больше не объявлялся — все время что-то его не устраивало, мешало, не нравилось. А эта, Алехандра, вроде ничего. Понятно, что все преподаватели более или менее одинаковые, всем нужны только его деньги, но эта хотя бы старалась: мягко поправляла, относилась уважительно, даже как-то бережно, но без откровенного подхалимства. Лесть Дмитрий Михайлович любил, а кто ж ее не любит, но вот подхалимства не выносил.

Бесплатные полчаса пронеслись незаметно. Он и сам не понял, как так вышло.

— Дмитрий, я благодарить тебя за урок. Надеюсь, что ми увидимся еще. *Que tengas buen día! Hasta luego*¹, — попрощалась Александра и отключилась.

Некоторое время Дмитрий Михайлович еще сидел перед потемневшим окном видеосвязи и сам себе удивлялся: давно он не чувствовал такой прилив сил, такую ясность ума, такое желание продолжать учебу дальше. Хотя, казалось бы, что полезного они делали целых тридцать минут? Читали буквы! Полный бред, он же способен на большее, уже готов складывать фразы, задавать вопросы и отвечать на них же. Где аудирование? Где постановка произношения? И все-таки он был доволен. Поэтому открыл страницу Александры на сайте для изучения испанского языка и забронировал себе следующее занятие сразу же на завтра. Ввел данные карты, тут же на телефон пришло уведомление о списании: минус две тысячи со счета. Дмитрий Михайлович по-стариковски кашлянул, неловко встал со стула — совсем засиделся — и прошлепал на небольшую кухню.

На кухне, спиной к двери, у плиты стояла пожилая сутулая женщина в выцветшем оранжевом спортивном костюме. Когда Дмитрий Михайлович сел за стол, Ирина Васильевна как раз снимала с конфорки закипевший чайник. Все так же не поворачиваясь,

¹ Хорошего дня! До свидания (*исп.*).

она разлила кипяток по заранее приготовленным чашкам и добавила заварки из маленького фарфорового чайника:

— Отзанимался, студент? — с легкой ехидцей в голосе спросила она.

— Да, завтра еще буду.

— Опять с новым? — Жена наконец повернулась и поставила дымящиеся чашки с черным чаем на стол. — Может, пора уже перестать ерундой страдать? Ну какой испанский в нашем возрасте?

Напоминания о возрасте, о старости, о неизбежной скоротечности времени раздражали Дмитрия Михайловича. Сам он считал себя еще вполне молодым, таким живчиком, да и все знакомые ему говорили (искренне, он был в этом уверен, какая выгода им врать), что он выглядит гораздо моложе своих лет — на пятьдесят пять максимум, а не на те семьдесят, которые были прописаны в документах.

Дмитрий Михайлович брезгливо посмотрел на жену — вот она точно выглядела на свои почтенные года: обрюзгшая, поплывшая лицом, как свечной огарок, с плохой, прямо-таки по-мужски короткой стрижкой, с сединой, которую лениво перестала закрасивать несколько лет назад, в этом нелепом застиранном костюме... Сколько его мечтаний обломала эта женщина! Сколько его порывов погубила! На все у нее находился один и тот же ответ: «Нам уже сорок, жизнь дошла до середины! Нам уже

пятьдесят, мы для этого старые! Нам уже шестьдесят, не позорься! Нам уже семьдесят, зачем нам это?» Ничего-то она не хотела, ничего ей не было интересно, кроме бесконечных глупых сериалов и дачного участка. И его она пыталась затащить в такую же глупую и бесконечную реальность, где из ярких событий — только походы по продуктовым и строительным магазинам да поездки на первых электричках в сторону области.

Дмитрий Михайлович отхлебнул чаю и скривился: без сахара. Жена, прожив с ним сорок лет в браке, понимала мимику мужа без лишних слов:

— Пора переходить на несладкий в нашем-то возрасте! А то будет диабет, как у твоей матери.

— Да что ты заладила! — вскипел, как недавно чайник, Дмитрий Михайлович. — «В нашем возрасте!», «Старые мы!». Это ты старая! Ты! А я еще нет, я молодой!

Он схватил сахарницу и демонстративно всыпал четыре ложки с горкой в свою чашку. Пока он мешал ставшим приторно сладким чай, жена, поджав сухие, тонкие, почти бесцветные губы, качала головой, потом она взяла кружку и направилась к выходу из кухни. Дмитрий Михайлович успел с облегчением подумать: «Ну вали-вали, хоть чаю спокойно попью». Но его жена не была бы его женой, если бы не оставила последнее слово за собой:

— Ну-ну, молодой ты наш, потом ко мне не приползай, когда все болеть будет. Сам со своими болячками разбирайся, понял? И вообще, этот твой испанский — время и деньги на ветер! Лучше бы чем-то полезным занялся. Кого ты впечатлить хочешь? Ее, что ли? Да плевать она на нас хотела, и на тебя, и на твой испанский в частности.

Жена резко развернулась и шустро засемила по коридору в свою комнату, будто боялась, что муж успеет ей что-то ответить, и тогда придется продолжить ссору, говорить что-то еще, обязательно обидное и едкое. Но Дмитрий Михайлович не собирался ей что-то отвечать. Он пил противный сладкий чай в драгоценном одиночестве и предвкушал завтрашний урок с Александрой. Уж завтра-то он точно продвинется дальше алфавита, завтра он покажет свои способности к языкам, а через месяц, может, уже и заговорит. Испанский-то, в сущности, довольно простой язык, это не какой-нибудь финский и не суахили, хотя и с ними он бы справился.

Второй урок действительно прошел гораздо интереснее. И видеосвязь удалось настроить с первого раза, и на повестке дня стояли глаголы.

— Yo soy, Дмитрий, — повторял он раз за разом, — yo estoy en mi casa¹.

¹ Я, Дмитрий, я дома (исп.).

Алехандра все так же очаровательно улыбалась и кивала ему через тысячи километров из Мадрида.

— *Muy bien!*¹ — хвалила она Дмитрия Михайловича. Это было приятно. Да так, что он решился спросить под конец занятия:

— А что же, за два месяца я смогу выучить испанский?

— За два месяца? — озадаченно переспросила Алехандра.

— Си, — подтвердил свое желание он, — чего тут, в принципе, учить-то.

Преподавательница мягко улыбнулась:

— Ми только начать, Дмитрий. Еще долгий работа впереди: сложное и интересное.

— Да мне языки легко даются. У меня способности. Это же, наверное, и вы заметили?

— Ты очень стараться, — продолжала улыбаться Алехандра, — а зачем тебе испанский скоро?

Дмитрий Михайлович замялся, он и не хотел откровенничать с испанкой, и в то же время хотел хоть с кем-то поделиться своими планами, не с женой же, в самом деле. Та, разумеется, не поймет, куда ей, этой домашней курице. А Алехандра — другое дело, она-то наверняка не сидит на месте, много где была. По крайней мере, в Европе. Европа же по сути — лишь маленькая часть планеты, там

¹ Очень хорошо! (*исп.*)

все рядом, что Мадрид, что Париж. Дмитрий Михайлович вдруг осознал, что именно Алехандре и стоит рассказать о своих планах, а заодно и произвести на нее впечатление. Пусть не думает, что перед ней очередной скучающий пенсионер. Он, в первую очередь, интересная личность!

— Хочу поехать в Эквадор! — выпалил Дмитрий Михайлович и стал с легким волнением ожидать ответной реакции от преподавательницы.

Та подняла брови от удивления, и он удовлетворенно подумал, что эффект произвести удалось.

— Вау! Как интересно! Я думаю, что ты едешь в Испания. Обычно русские ехают в Барселона, — сказала Алехандра. — Эквадор очень интересно. Очень далеко и очень интересно.

— Барселоной уже никого не удивишь, — брякнул Дмитрий Михайлович, хотя никогда не был в Каталонии, не имел шенгенской визы и невольно повторил слова своей жены, которая тоже никогда не выезжала дальше возможностей пригородной электрички, но была убеждена, что никаким европейским городом сейчас уже никого не удивишь. А если так, то зачем тратить деньги на визы, авиабилеты и отели?

Алехандра не совсем поняла смысл его слов: кого нужно было удивлять и, главное, зачем? Но со свойственной ей тактичностью сделала вид, будто разделяет мнение Дмитрия Михайловича.

Когда урок окончился, он снова забронировал себе занятие. На этот раз — через несколько дней. Нужно было успеть выполнить домашнюю работу, хотя Дмитрий Михайлович и не сомневался, что справится с нею на раз-два.

А потом, находясь в каком-то странном возбужденном состоянии, он открыл сайт авиакомпании и вбил в поиск запрос: Москва — Кито. Туда-обратно. Над датами пришлось поломать голову, но все-таки остановился на феврале, то есть ровно через два месяца. Как раз успеет выучить весь испанский. Сайт некоторое время «думал», но потом выдал итоговую стоимость билетов. Выходила приличная сумма. Дмитрий Михайлович подумал, что на такие деньги вполне можно построить на участке новую баню. Подумал — и тут же себя одернул. Вот проклятье, и как жена смогла так плотно забраться к нему в голову?! Он уже и говорит ее фразочками, и думает как она! Нет уж! Хрен тебе, а не новая баня. Решено! Лечу в Эквадор.

Дмитрий Михайлович достал из ящика письменного стола потертый кожаный бумажник, вынул дебетовую карту, ввел на сайте необходимые данные, и только перед нажатием на кнопку оплаты его указательный палец слегка дрогнул. Закралось трусливое сомнение: а надо ли ему это? А сможет ли он? Все-таки лететь в такую даль, да еще одному? А как сообщить о таких тратах жене? Что она скажет? Ведь

опять устроит скандал. От этой мысли Дмитрий Михайлович резко выпрямился и решительным жестом хлопнул по кнопке «Оплатить». На экране высветилось подтверждение покупки, а на телефон пришло сообщение о списании средств. Он откинулся на спинку стула и почувствовал невероятную усталость, будто он был сапером и весь день только и делал, что обезвреживал бомбу — какой провод резать: красный или синий? И вот выбор сделан, провод отрезан, и взрыва не случилось. Но радости Дмитрий Михайлович почему-то не ощутил. Наоборот, в душе заворочались давно забытая тревога, беспокойные мысли, которые много лет не посещали его не обремененную заботами голову, начали сновать туда-сюда: а как лететь? А где там жить? А что с собой взять? А как сказать... А как ее там отыскать?

Дмитрий Михайлович взглянул на экран мобильного, где в непрочитанных сообщениях еще висело пуш-уведомление о покупке билетов: дело было сделано. Чтобы как-то поднять себе настроение, он подумал, как на следующем занятии расскажет Алехандре о том, что купил билеты, значит, точно летит в Эквадор. Подумал, как впечатлят молодую испанку его слова, как она опять подарит ему широкую улыбку, как будет им восхищаться. Думать об этом было приятно. В ее глазах наверняка он станет героем, а если даже не героем (все-таки громкое слово), то точно выделится из череды однообраз-

ных и банальных учеников, изучающих испанский, чтобы пить сангрию на пляжах Коста-Бравы. Дмитрий Михайлович воспрял духом, с трудом поднялся со стула — снова засиделся, — услышал, как предательски хрустнули коленные суставы, и стариковской «утиной» походкой вышел из комнаты.

Чем ближе он подходил к кухне, тем больше чувствовал неприятное волнение в области груди. Он слышал, как жена ворочает кастрюлями и гремит тарелками, и буквально физически ощущал ее скверное настроение. Впрочем, в другом она почти никогда и не бывала. Дмитрий Михайлович привык думать, что в семье, разумеется, главным был он. Он зарабатывал деньги, он мог высказывать свое мнение по любому поводу, и жене приходилось к нему прислушиваться. Он мог прикрикнуть, стукнуть по столу кулаком, а иногда, ну да, бывало, и приструнить жену как словами, так и действиями. И все-таки, невзирая на все это, он испытывал страх. Да, Дмитрий Михайлович боялся своей жены, и мысль об этом была ему противна, будто в дверную скважину он увидел нечто постыдное, даже противоземное, но все равно продолжал наблюдать.

Когда он оказался на кухне и, как обычно, сел на свое место за столом, от его решимости рассказать жене о покупке билетов в Эквадор не осталось